

УДК 159.923.2

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОЙ ГРАНИЦЫ

Трунов Д.Г. (Пермь, Россия)

Статья посвящена телесной границе как феноменальному объекту. Рассматриваются функции телесной границы (контакт со средой, формирование образа «Я» и пр.), ее характеристики, а также варианты изменения телесных границ (интериоризация и экстериоризация). Особое внимание уделено коже как органу, выполняющему функцию телесной границы. Обсуждается феноменальная оппозиция лица и маски.

Trunjev D.G. (Perm, Russia). PHENOMENOLOGY OF A BODY BORDER.

The article is devoted to body border as phenomenal object. There are considered functions of the body border (the contact with ambience, shaping the image "I" and etc.), its features, variants of changing of the body borders (interiorisation, exteriorisation). Emphasis is spared to skin as an organ executing the function of the body border. The phenomenal opposition of a face and a mask is discussed.

Граница телесности и ее функции. Философ-антрополог Х. Плеснер выделял два типа границы. *Первый тип границы* — «граница есть лишь виртуальное «между» телом и примыкающей средой, то, «где» оно начинается (прекращается), поскольку иное в нем прекращается (начинается)»; в этом случае граница не принадлежит только телу или только среде, она есть «чистый переход от одного к другому» [1, с. 110]. *Второй тип границы* — это граница, которая реально принадлежит телу в качестве ограничивающего его «вещественного» контура; «граница здесь становится сущей»; тело здесь начинается не постольку, поскольку прекращается примыкающая среда, а постольку, поскольку оно имеет границу в себе самом, а это, в свою очередь, является результатом его внутреннего «антагонистического разделения» (на «внутреннее» и «внешнее»); в силу наличия такой границы организм смыкается в целостное единство. Одна из главных функций границы, основанной на таком антагонизме, таким образом, состоит в том, что она конституирует телесность, организует тело, является формой телесного единства [1, с. 110].

Второму типу границы соответствует понятие «внутренней границей телесности», возникшее в рамках феноменологического подхода к психологии телесности [2]. В отличие от внешней границы (первый тип границы, по Х. Плеснеру) внутренняя граница есть феноменальное переживание телесной зоны контакта с окружающим миром, она в определенной степени изменчива и подвижна. Парадоксально, но внутренняя граница телесности может выходить за рамки тела-объекта, то есть за внешнюю границу телесности. Представляется, что структура внутренней границы телесности включает несколько слоев, в качестве которых могут выступать *само тело, одежда и предметная среда*. При этом одежда и предметная среда могут приобретать функции «внешних слоев» внутренней границы телесности. В таком случае к внетелесным границам можно также причислить и *других людей*, а вместе с ними их *слова и действия*.

Добавим, что *само тело* человека выступает как граница, как промежуточным слоем «Я» и миром, как граница, принадлежащая «Я», входящая в его состав, но также — пропасть, которую «Я» необходимо преодолевает, испытывая телесное сопротивление, «порог», «барьер», «ограда».

Функции телесной границы. Граница не должна полностью изолировать тело, так как иначе была бы устранена посредническая функция между телом и средой, и мы бы имели *закрытое в себе* самобытие. Обычно границей телесности становится телесный регион, который берет на себя функцию *перехода-препятствия* между пространством тела и средой или между пространствами отдельных телесных регионов. У этого посредника нет четких анатомических коррелятов («частей тела»), поскольку это феноменологическое переживание границы. В свою очередь феноменологические границы тела — это результат комплексного восприятия, в котором сопрягаются сразу несколько видов чувствительности. Например, границей физического тела можно

считать *видимый* и *осязаемый* нами кожный покров, который с внешней стороны совпадает с поверхностью кожи как анатомического образования, а изнутри связан с архитектурой нервных рецепторов (а, стало быть, чувствительности), которая различается на разных участках.

Внутренняя граница телесности выполняет следующие *функции*: 1) разделение внешнего и внутреннего (в том числе, защита внутреннего от внешнего и наоборот), 2) соединение внешнего и внутреннего (контакт, переход, взаимодействие между ними), 3) конституирование телесной целостности, 4) полагание самобытия-в-мире. Выполнение указанных функций определяется следующими *характеристиками* внутренней границы телесности: сформированность, контролируемость и сензитивность [3]. В связи с этим говорят о *стратегиях*, которые поддерживают указанные характеристики на необходимом уровне (Д.А. Бескова). Так, например, недостаточная сформированность внутренней границы вызывает стратегию «*подчеркивания*», повышения отчетливости границы. В этом случае для поддержания идентичности, выделения «Я» из «не-Я» может использоваться создание внешнего каркаса, способствующего интеграции телесной целостности, повышению отчетливости границы «Я». Недостаточная контролируемость внутренней границы телесности, проявляющаяся в лабильности, неустойчивости приводит к появлению стратегии (феномена) «*стабилизации*», снижения частоты спонтанных изменений внутренней границы. Повышенная проницаемость и гиперсензитивность оболочки компенсируется снижением интенсивности контакта с внешним миром и реализуется в «*прикрытии*» границы, создании дополнительной защитной мембраны между внутренней границей телесности и внешними воздействиями. Низкая или недостаточная чувствительностью внутренней границы компенсируется стратегией *привлечения дополнительной внешней стимуляции*, повышения интенсивности внешних воздействий на мало чувствительную оболочку. Пониженная, недостаточная проницаемость внутренней границы телесности вызывает появление регуляторного феномена, проявляющегося в «*открытии*» границы, усилении потока двусторонней коммуникации.

Изменение телесных границ. Неоднозначность и подвижность местоположения телесной границы может быть продемонстрирована в классическом психологическом феномене «зонда» (А.Н. Леонтьев). Его смысл заключается в том, что человек, использующий для ощупывания объекта зонд, парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей тело и зонд), а на границе зонда и объекта. Ощущение оказывается смещенным, вынесенным за пределы естественного тела в мир внешних вещей. Зонд, включенный в тело и подчиненный его движению, воспринимается как его продолжение и не объективируется.

В метафоре «зонда» проявляется универсальный принцип объективации: «свое феноменологическое существование явление получает постольку, поскольку обнаруживает свою непрозрачность и упругость» [4]. Сознание объекта проявляет себя лишь в столкновении с этим объектом как *иным*, получая от него «возражение», напротив, «прозрачный», «поглощенный» объект – это объект, который не воспринимается как *чуждый*. «Плотность», «непрозрачность» внешнего мира определяется степенью его знакомости, привычности и предсказуемости. «Мое» - это понятное и знакомое, «чуждое» — это неясное, новое, а потому «непрозрачное». «Становясь «своим», внешний мир начинает терять свою плотность, растворяясь в субъекте, продвигающем свою границу вовне» [4]. Близкий мне мир внешних вещей постепенно начинает терять свою «плотность» и исчезать, я перестаю замечать все привычное: обстановку, запахи, звуки, одежду, людей и т.д. Теперь это привычный мир, образующий своего рода

сложное тело, пронизанное чувством причастности, «теплоты» (М.М. Бахтин). Но я могу вновь обнаружить потерянную и забытую «плотность» мира при резком изменении окружения. Размерность «субъектности» при этом резко сокращается, а в мире появляются «чуждые», «непривычные», «неудобные», «непослушные» или даже «враждебные» вещи, события, отношения.

Примером телесного присвоения неживого объекта является взаимодействие с любым инструментом. Хорошо освоенный инструмент перестает существовать в качестве объекта, вынесенного *за границу* субъекта. «Вписываясь в схему моего тела, он транспонирует границу субъект-объектного членения к другому объекту, *на который* становится направлена моя активность. Пианист начинает играть не на клавишах, а музыку, художник – не рисовать линию, а писать картину, ремесленник – работать не с инструментом, а с объектом труда, ребенок – не гулить, а говорить» [4]. Возможность расширения телесных границ и распространение ее на внешние инструменты-объекты, с которыми взаимодействует тело, дало повод П. Флоренскому говорить о феномене «органопроекции» [5]. Его учение об органопроекции представляет человеческое тело непрерывно удваивающим себя в окружающем пространстве так, как будто нет принципиальной и непреодолимой разницы между живым органом, сохраняющим свое положение в теле, и механическим (и любым другим) орудием-объектом, ставшим своеобразным *экстериоризованным* органом.

Кроме инструментальности есть еще один критерий присвоения, он связан с *уникальностью* присвоенной части. Чем больше инструмент (инструмент в самом широком смысле), которым я пользуюсь, прилажен, подогнан ко мне, именно к *моему* телу, тем более уникален этот инструмент, тем больше у него шансов стать моей телесной собственностью, моим продолжением. Если это инструмент, которым одновременно пользуются другие, то он едва ли может претендовать на «часть моего тела». Точно также если человек пользуется вещью, которая есть также и у других, то это препятствует вбиранию этой вещи в собственную телесность. Для того чтобы стать *моей*, частью моего бытия, вещь должна быть определенным образом отмечена, «помечена» мной. Телесности может принадлежать только единственное в своем роде и, безусловно, личное.

Если возвратиться от внешних объектов обратно к телу, то можно представить, что тело когда-то было таким же «плотным» и «непослушным» объектом-зондом, который находился как будто за границей субъекта, а затем, по мере развития телесных навыков был присвоен в качестве «моего тела». Тхостов пишет, что все произвольные функции тела *первично* «прозрачны» для субъекта, но они могут стать непрозрачными при сознательном овладении ими; «прозрачность» же произвольных навыков *вторична*, поскольку по началу, в период обучения они были «непрозрачны», непривычны и стали «прозрачными» лишь после освоения, однако они также могут снова стать «непрозрачными» в различных сложных ситуациях [4]. Все произвольные телесные навыки (умение есть, ходить, бегать, говорить, писать, рисовать и пр.), когда-то были объектными, но прошли путь «растворения» в субъекте, продвигая постепенно границу субъективности. Таким образом, по мере освоения тело становится «прозрачным», «растворяясь» в субъекте и проявляя себя лишь в особых случаях «противостояния», например: освоение необычных движений, «непослушность» тела при физиологических или патологических состояниях, изменение гравитационного стереотипа (при выходе из воды, при подъеме или опускании лифта, при переворачивании тела) и т.д. Существование артикуляционного аппарата «обнаруживается» при обучении иностранному языку, а существование рук и ног — при обучении танцам:

соответствующие части тела начинают «мешать», а затем, по мере обретения прочного навыка они вновь «исчезают». После овладения произношением человек задумывается не над тем *как* говорить, он уделяет внимание лишь тому, *что* сказать, и граница «чуждого», «плотного» перемещается уже в область грамматики и семантики.

Обнаружение и изменение телесных границ происходит не только в процессе освоения новой телесности, не только при появлении нового навыка или феномена, но и при потере, исчезновении старого. Например, необычное и ясное ощущение, возникающее после удаления зуба. Когда тело выходит из под контроля при какой-либо патологии, например, при параличе, человек ощущает пораженную часть тела, как не свою, как сопротивляющуюся его воле, не слушающуюся, отказывающуюся повиноваться. Это ощущение усиливается если паралич сопровождается произвольными движениями. Другой пример: утрата кисти человеком приводит к тому, что ему приходится некоторые функции кисти выполнять оставшейся частью руки. Это не сразу получается, и рука без кисти в этом случае будет новым и не удобным орудием. Парадоксально, но граница телесности проходит таким образом, что исключает живую и наличную часть тела. Вместе с кистью человек теряет нечто большее не только в функциональном, но и в телесном смысле – он теряет всю руку, поскольку в кисти сосредоточена большая часть функциональности (инструментальности) руки. Пройдет еще долгое время, когда человек *освоит* эту *новую* для него телесность, когда чуждый ему «инструмент» станет частью его тела.

Кожа как граница. Говоря о «коже», мы имеем в виду не столько ее физиологические или анатомические характеристики, сколько феноменологические (которые, конечно, не устраниют первые, а в той или иной степени коррелируют с ней).

«Кожа» - этот феноменальный орган-оболочка, «без которого наше психическое Я не в силах существовать ни мгновения» [6, с.45]. В этом смысле, видимо, необходимо рассматривать высказывание Поля Валери, цитируемое В. Подорогой: «Самое глубокое в человеке — это кожа»; он также говорил, что мы живем на поверхности собственной кожи. Эту внешнюю «оболочку» В. Подорога называет «кожным Богом», подразумевая за ним функцию заботы, охраны нашего «подкожного», «прото-телесного Я», живущего с внутренней стороны поверхности, но не имеющего ничего своего и полностью зависимо от тех событий, которые происходят на ее наружной стороне. «Кожный Бог» очерчивает, создает и поддерживает индивидуальную территорию жизни, противостоящую самой Жизни: «в то время, как внешняя сторона содрогается от различных по интенсивности раздражений, защищаясь от них и пытаясь смягчить их проникающую силу, внутренняя продолжает свое психическое развитие, все более тонко дифференцируя образы подкожного Я» [6, с.45]. Можно сказать что «кожей» (в феноменологическом, а не анатомическом смысле) мы чувствуем не только внешний мир, но и свой внутренний, то есть самих себя.

«Кожная» граница — это посредник общения между мной и миром, создающий и меня, и мир. Мое касание обнаруживает не только вещь, которой я касаюсь, но и то, чем я касаюсь — мое тело. Действительно, можно сказать, что «наша телесность присутствует в мире через предметы, а предметы — через нее» [6, с.51]. Плоть — это не тело, плоть — это «клеевая прослойка» (Ж.-П. Сартр) между двумя телами, образующаяся в результате обмена касаниями. «Кожа» — это граница преобразования потоков (ощущений и актов), идущих как снаружи во внутрь — из чужого мира в свой собственный, так и изнутри наружу — из своего мира в чужой. Через «кожу» чужое присваивается, а свое отчуждается. «Кожа» — это порог, преодоление которого дает

«чувство жизни». Но и само «чувство жизни» делится этим порогом на внешнюю жизнь и жизнь внутреннюю, на *выражение* (ex-pression) и *впечатление* (im-pression). Иногда возникает необходимость усиления кожной границы, создание своеобразного «панциря» или «скорлупы», тогда в дело вступают как собственные ресурсы телесности, «мышечный панцирь» (В. Райх), так и внешние ресурсы, «протезирующие» границу: макияж, любимая одежда, уютная обстановка, близкие люди, салон автомобиля, дом. «Одежда делает человека. Если мало самого человека, значит требуется больше одежды», — фраза из кинофильма «Паук» (реж. Дэвид Кроненберг). «Ваша комната — продолжение вашего телесного образа и от него неотделима», — пишет В. Подорога [6, с.50].

Напротив, исчезновение телесной границы практически приводит к исчезновению тела, или к возвращению к «телу без органов». В качестве примера приведем «дождевое тело», описанное В. Подорогой. «Интенсивности переживаний насыщают вас, и ваше тело впитывает дождь, как губка воду; это тело, когда-то бывшее вашим, становится частью дождевого тела. Вы не воспринимаете дождь, т.е. не делаете и не можете в данный момент сделать его объектом созерцания: вы в нем, он в вас... Ваше тело приобрело аффектированную широту и долготу и смещается в областях дождя, оставаясь послушным собственной широте переживания. Итак, есть событие дождя, которое не предполагает моей выделенности, моей центральной позиции в этом атмосферном явлении. Можно, конечно, сказать: «Я попал под дождь». Однако это высказывание будет адекватным только с точки зрения моей внешней позиции. Дождевое тело — промежуточно, и все, что им захвачено, не составляется из некоего субъекта, страдающего от дождя или наслаждающегося им, и собственно самих капель воды, падающих с неба в силу определенных причин, не имеющих к попавшему под дождь никакого отношения» [6, с.95].

Маска и лицо. Практика искусственного создания телесных границы приводит к появлению специфического феномена «маски». «Маскотворчество» — это деятельность, расположенная в поле взаимодействия тела-канона, образа тела и чувства тела. Тело-канон здесь выступает как образец, по которому лепится специальный образ тела, призванный прикрывать чувство тела. Благодаря этому появляется «социализированная личность». Как известно, само слово «личность», соответствует латинскому слову *persona*, означающему «маска», «личина». По К. Юнгу, архетип «Персона» — это «внешняя» часть души, предназначенная для взаимодействия человека с обществом и скрывающая от окружающих «внутреннюю» индивидуальную сущность человека [7]. Обычно оппозиция «маска — лицо» воспринимается как оппозиция между чем-то искусственным (фальшивым, поддельным, ложным) и чем-то настоящим (действительным, подлинным, истинным). Однако кроме такой негативной трактовки в понятии «маска» можно также найти позитивное содержание. Тело-маска выполняет следующие метафорические функции. В первую очередь, тело-маска — это некая «одежда», которую человек одевает, выходя в общество, скрывая свою обнаженную душу от посторонних глаз. Маскировка в этом случае мотивированна естественным чувством стыда. Тело-маска может стать «карнавальным костюмом», предназначенным для создания определенного настроения у окружающих, оправдания их ожиданий и т.д. В другом случае, когда окружающие представляют явную угрозу, тело-маска превращается в «доспехи», оберегающие от опасности, или в «панцирь», необходимый для нейтрализации социального страха перед чужим мнением. Наконец, мое тело-маска может, напротив, оберегать *окружающих* от *моего* негативного воздействия — подобно маске хирурга.

Чтобы еще глубже понять позитивное значение тела-маски и личности-маски взглянем в этимологию латинского слова *persona*. Оно состоит из двух частей: *per* — означает «через», *sonus* — означает «звук». Другими словами, *persona* — это то, через что проходит звук. В этой этимологии нет никакого негативного содержания, здесь нет намека на что-то скрывающее или защищающее. Напротив, здесь можно увидеть продуктивный смысл: маска-*persona* — это средство для проведения («выведения») звука. В контексте телесности слово *persona* можно интерпретировать как нечто, через что проходит звук души («Я»), через что душа являет себя окружающему миру, двигаясь изнутри наружу. Тело-личность-*persona* — это не только средство проведения звука души, это также то, что преломляет этот звук: где-то приглушает его, где-то усиливает подобно регулятору громкости. Благодаря такому проведению окружающие могут *услышать* душу человека, а благодаря преломлению этого звука окружающие могут *понять* ее. Это очень важно: если бы не было личности-маски, душа была бы не услышана и не понята окружающими. Другими словами, *позитивная* функция тела-маски состоит в том, что она является медиумом общения с окружающими, посредником между «Я» и Другим.

«Маскирующая» деятельность касается всего тела, хотя основной акцент, безусловно, падает на лицо. Лицо расположено на пересечении двух противоположных функций: лицо как «маска» и лицо как «зеркало души». В одном случае лицо скрывает, в другом — открывает. Лицо балансирует между намеренностью и спонтанностью. Отсюда разнообразие и богатство мимической семантики, в которой социальное тесно переплетается с биологическим, конвенциональное — с органичным, искусственное — с естественным. Продолжение мимической телесности — макияж и прическа (а также головной убор и прочие аксессуары), которые используются в качестве «маскировки» с весьма архаичных времен и мужчинами, и женщинами. Лицо, будучи с одной стороны представителем-частью тела, а с другой стороны представителем-частью социума, становится одним из центров личностной идентичности. Можно по-разному физически оскорбить человека. Дать подзатыльник, шлепнуть по ягодицам, но, пожалуй, наиболее оскорбительна пощечина, которую приравнивают даже к ране на «теле чести», посягательству на личность.

Одна из социальных функций тела-маски и лица-маски — это социальная самопрезентация, или «управление впечатлением», в процессе которого скрывается текущее телесное состояние (чувство тела) и создается образ тела, соответствующий другому телесному состоянию. На основании тела-маски Другой будет интерпретировать меня как обладающего (внутри) теми или иными свойствами. Для успешной самопрезентации необходимо постоянное сохранение экстернальной рефлексивности при почти полном игнорировании интернальной. Речь вовсе не обязательно не идет об обмане, хотя с точки зрения формальной аксиологии, построение социального тела, отличающегося от аутентичного, — это обман. Но именно эта «маскировка» помогает встроиться человеку в ту или иную социальную ситуацию и обрести необходимую ему социальную идентичность (ярлык «успешного», «сильного», «веселого», «делового» и т.д. человека). Вот прием, который использует современная поведенческая психотерапия: неуверенный человек должен вести себя как уверенный; даже если внутри себя чувствует не достаточно уверенно, он должен пренебречь этим ради чисто внешнего эффекта; если человек с этим справляется, то позитивная оценка других начинает формировать («подкреплять») у него новое представление о себе как уверенном человеке; так меняется не только его внешний образ, но и внутреннее самочувствие. Творение тела-маски — это творение себя в том числе.

Общество создает телесные каноны, и если я хочу чувствовать себя членом общества, то я должен создать свой образ тела в соответствии с этими канонами, тогда я получу *подтверждение* своего существования. В силу социального бытия человека искусственная, «маскирующая» телесность (одежда, прическа, макияж и пр.) становится продолжением внешнего тела (образа тела), практически неотделимым от него и даже сливающимся с ним. Как, например, отделить тело-маску от естественного тела у атлета, который занимается взращиванием своих мышц? Потеря или разрушение тела-маски переживается как социальное «обнажение», «разоблачение». Например, человек перестав следить за выражением своего лица, обнажил свои чувства. Позволил себе расслабиться и внешнее тело приняло форму текущего внутреннего состояния. Это воспринимается как потеря формы, контроля над собой, как потеря себя.

Возможно, речь идет об *избыточной* концентрации внимания на внешней телесности, когда человек идентифицирует себя исключительно с социальным телом (образом тела, телом-маской). Такая редукция телесности исключительно к внешнесоциальному плану, невнимание к своим внутренним телесным ощущениям (чувству тела) может привести к своеобразной «мести» со стороны тела: так называемый «синдром сгорания», посттравматические стрессовые расстройства и другие психосоматические проблемы. Кроме того идентификация с социальным телом-маской практически не оставляет место для уникальности. Д. Дидро говорил, что «оригиналы встречались бы среди людей гораздо чаще, если бы, с одной стороны, воспитание, а с другой – обращение в свете не стирали бы их, как хождение по рукам стирает чекан с монеты» [8]. Другая крайность во взаимодействии между образом тела и чувством тела: пренебрежение внешним ради внутреннего. В этом случае человек не вписывается в окружающий мир, теряет с ним связь и, в конце концов, теряет свою личностную идентичность, а точнее — обретает маргинальную идентичность.

М. Турнье в своем романе «Пятница» описал опыт «потери лица», связанный не с какой-либо активностью обладателя лица (например, чрезмерным вниманием или, напротив, пренебрежением к своему лицу), а с отсутствием Другого, как инициатора «жизни лица», как одухотворяющего лицо агента. Проживший некоторое время на необитаемом острове Робинзон изучает свое лицо в зеркале: «Никакая существенная перемена как будто не коснулась его черт, и, однако, он с трудом узнал себя. «Я обезображен», — произнес он громко, и сердце его больно сжалось. ...преображение было не внешним, оно шло изнутри, придавая лицу застылую окаменелость, какую он подметил в давние времена у одного узника, выпущенного из одиночки после долгих лет заключения в темноте. <...> Он постиг простую истину: наше лицо есть та часть нашей плоти, которую непрестанно лепит, стирает и лепит по-новому, согревает и воспламеняет присутствие нам подобных» [9, с.99]. Робинзон обнаружил свое лицо «потухшим». «Он попытался вспомнить что-нибудь веселое и улыбнуться. Невозможно. Лицо и впрямь застыло, задубело, точно на морозе, и понадобились бы долгие радостные встречи с близкими, чтобы оно оттаяло» [9, с.100].

Литература

1. Плеснер, Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С.96–151.
2. Тхостов, А. Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287с.
3. Бескова, Д.А. Внутренняя граница телесности: особенности структуры [Электронный документ] // <http://www.firstjob.ru/?ScienceView&ID=5>. Проверено 19.11.2009.

4. Тхостов, А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1994. – № 2. – С.3–13.
5. Флоренский, П.А. Органопроекция // Русский космизм. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С.149-162.
6. Подорога, В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. – М.: Ad Marginem. 1995. – 339с.
7. Юнг, К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренесанс, 1991. – 304с.
8. Дидро, Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист. – М.: Худож. лит., 1973. – 495с.
9. Турнье, М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. – СПб.: Амфора, 1999. – 303с.